

Наталья Резанова

ЯВЛЕНИЕ
ХОЗЯЕВ

Наталья Владимировна Резанова

Явление хозяев

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162548

Аннотация

Перри Мейсон во времена Апулея – почему бы и нет? Мир, напоминающий Римскую империю времен упадка.

Амбициозный молодой юрист надеется сделать карьеру в провинции. Ради этого он берется за громкое дело о колдовстве. Оно даст ему возможность провести следствие и блестяще продемонстрировать ораторские способности.

Но лишь в финале он поймет, что его использовали как орудие в подготовке другого преступления – гораздо более жестокого.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Резанова

Явление хозяев

(Вариации на имперскую тему)

В честь Апулея и Флавия Филострата¹

Ты это сумела? Сумей же и впредь

В притворстве прожить и во зле умереть.

Мария Петровых

Пролог

– Выпить хочется, – сказала мать, когда я держала ей стремя. – Мастики. Непременно надо взять из добычи пару бурдюков,

Кроме нас с отцом никто из рода ее не провожал. Брат в прошлом году женился и жил отдельно.

– Еще золота привезу, – продолжала мать, обращаясь к отцу, и свободно прихватив наборный повод, украшенный золотыми бляшками – разумеется, отец его и сделал. Так же, как золотой конский налобник с изображением Змееногой Богини. – А тебе, – она покосилась вниз, – самоцветов. – Потом свистнула заводному коню и неспешно поехала прочь со двора.

– Что она сказала? – спросил отец. После многолетней работы в кузнице он стал туг на ухо.

– Что золота привезет! – крикнула я.

– Кому нужно это золото? – проворчал он. – У всех полно, ничего не стоит уже... Придет пора – с чем я тебя замуж отдавать буду?

– С самоцветами. Она хотела еще взять самоцветов.

– Это дело... А ты чего разнюнилась?

Он слышал плохо, но видел хорошо. А я, хоть и усвоила, что плакать пристало только совсем малым детям, еще не успела привыкнуть, что мать каждый год покидает нас ради военных походов. И у меня вырвалось:

– А если она ничего не привезет! А если она вообще...

– Типун тебе на язык! – зарычал отец и бросил на меня такой взгляд, что я не осмелилась закончить фразу.

Он был прав.

Но он еще не знал, насколько прав.

* * *

Когда боги создали нас, моссионов, они определили: женщинам – война, а мужчинам – ремесла. Потому что мужчины трудятся без натуги, а женщины убивают без жестокости. И создали нас боги, безусловно, первыми из всех людей, потому что такой обычай – древнейший из всех существующих. Раньше, говорят, все так жили, но потом другие народы утратили благость, и только мы установили верность божественным установлениям. И это были правильные установления. Когда мой отец сказал, что у всех полно золота, и оно потеряло цену, он конечно имел в виду лишь моссионов. Мы были богаче всех прочих племен Степи. Нам не нужно было перегонять стада прокормления ради, и мы жили оседло. Единственное

племя, пренебрегающее кочевкой. Мы знали, что в самый голодный год нас прокормят либо мечи наших женщин, либо молоты и плуги наших мужчин. Они умели возделывать землю так, что та по многу лет не истощалась, а по металлу работали так, что к нам приезжали купцы из белостенных городов на Побережье и даже из-за моря. И купцы могли приобрести все, что желали. Кроме оружия, конечно.

Все другие племена ненавидели нас и стерли языки в проклятьях. Они говорили, что мы – чужие, не настоящие степняки, и это отчасти было правдой, так как селились мы в предгорьях. И еще они называли нас «рабы женщин», и это была грязная ложь, потому что никто в нашем племени не был рабом, ни мужчины, ни женщины.

Раньше, когда оно еще было, наше племя.

Еще, наверное, до того, как наши младенцы выбирались из колыбелей, они узнавали, что другие племена – есть вражеские племена, что они будут воевать и чинить нам всяческие подлости. Но никто – даже самые опытные старики и самые мудрые старухи не могли предположить, что враги, как бы низки и подлы они ни были, в своем падении опустятся до того, чтобы призвать на помощь Империю...

В то время я не знала об Империи ничего. Даже того, что она существует. В Империи сочли бы это первейшим признаком варварства, но до чего же прекрасно – не знать о существовании Империи. Старшие, я думаю, знали – слышали от тех же торговцев. Но я не разговаривала с торговцами. И не знала я, что имперцы полагают, что весь мир принадлежит им по праву рождения, и всякий, не понимающий этого – дикарь и варвар. И что Империя вечно выползает из своих пределов, как опара из горшка.

И белостенные города на Побережье, чьи жители были торговцами, а не воинами, давно сдались без боя, и стали форпостами Империи. Люди, командовавшие тамошними гарнизонами, воевали не так, как степные вожди – набегами и налетами. Они были обстоятельны и не спешили. Ибо верили – если они куда-то придут, то придут навсегда. Они смотрели на север и на восток. Ждали. И дождались.

Я не знаю, как все это произошло. Хотя теперь, многое повидав, могла бы представить. Но запрещаю себе. Достаточно одного – я не видела, как умерла моя мать. Зато видела, как погибли отец, брат и его жена – она была на седьмом месяце и потому не ушла в бой с другими женщинами. Сначала имперцы бросили в бой тех, кто их призвал – федератов, так они стали называться. А когда приступ был отбит, пошли в бой сами. В правильной прядке. И подогнали стенобитные машины.

Впоследствии, выучив имперский язык, я обнаружила, что стенобитная машина в нем обозначается тем же словом, что и «мучение». Или «пытка».

Tormenta.

Когда все было кончено, победители долго сварились между собой о том, что делать с пленными. Федераты настаивали, чтобы вырезали всех – «вы мол, вернетесь в города, а нам здесь жить». Имперцы требовали своей доли в живой добыче. Странно, казалось бы, они столько получили в золоте, что ничтожное число пленников не должно было их волновать. Но жадность имперцев никогда нельзя насытить – тогда я впервые узнала об этом,

Сошлись на том, что убьют всех, чья голова выше тележной оси – был в Степи такой обычай, не стоит все сваливать на имперцев. И конечно, речи не было о том, чтобы тащить за собой младенцев. Остальных решено было продать подальше от Степи.

Мне повезло – для своих лет я была маленького роста. Или не повезло – как посмотреть.

Мальчиков осталось в живых больше, чем девочек – девочки быстрее растут. Но никого из них – ни мальчиков, ни девочек, если они стали мужчинами и женщинами, впоследствии я не встречала. И уже в тот день, когда нас уводили от пепелища, я знала, что наше племя

навсегда исчезло из мира. А значит, никто в этом мире отныне не будет убивать без жестокости.

Даже я.

* * *

Арета – город большой, но, разумеется, не Столица. И даже не столица провинции. Хотя в оные времена был столицей царства. Но кому до тех времен есть дело, кроме мелких историков с большими амбициями и честных храмовых анналистов? С тех пор, как более двухсот лет назад Южная Провинция, частью которой стало Аретийское царство, вошла в состав Империи, местные жители забыли о войнах. Благоразумные аретийцы никогда не противились силе Империи и не испытывали терпение ее власти. Вдобавок жить в ней было удобно. Сильные гарнизоны охраняли Южную Провинцию от варварских нашествий с материка и нападений пиратов с моря. А это способствовало расцвету торговли. Безусловно, жизнь не всегда была мирной, случались и голодные бунты в неурожайные годы, и вооруженные стычки, и погромы, но все это были такие мелочи, о которых не стоит и говорить. В Арете предпочитали жить в свое удовольствие. Тон здесь, помимо местной знати – преимущественно апийского происхождения, задавали отставные имперские чиновники и офицеры, представители старинных фамилий, добровольно или нет покинувшие Столицу, и не в последнюю очередь богатые негоцианты. Торговые люди составляли в Арете безусловное большинство, и может быть, благодаря этому, при всей лояльности местных жителей, собственноручно имперские развлечения – как то конские ристалища, бои атлетов, травля зверей – прививались меньше, чем в метрополии, хотя вовсе не отвергались. Изначально предпочитали театр, но в последние десятилетия театральное искусство было в упадке. Взамен ему увлекались магами и волшебниками, каковых в те же последние десятилетия развелось в здешних краях чрезвычайно много. Была в Арете своя поэтическая школа, равно как и школа риториков, ибо изысканное слово ценилось в Арете не меньше, чем изысканные блюда. Пиршества особенно любили устраивать на открытом воздухе в садах или в лодках, на полноводной реке Орфит, впадавшей в море, вместе с музыкантами и певицами. Отмечали многочисленные храмовые праздники – богов в Арете почитали разнообразных, не делая особых различий между официальным имперским культом и самыми экзотическими верованиями. Охотились в ближних горах и степях, откуда привозили на продажу лучших в Империи лошадей (может быть, лучших, так как склонность жителей Южной Провинции к обману и преувеличениям вошла в поговорку). Играли. Играли во всех слоях общества. То, что здесь не просаживали, как в Столице, целые состояния, поставленные на того или иного циркового бойца, не означало, что граждане Ареты не были азартны. Напротив. В кабаках резались в кости и в шашки, на представлениях и пирах заключались пари, устраивались лотереи, пожалуй, в число азартных игр можно было включить и торговлю.

А еще в Арете любили судебные процессы. В них было замешано почти все, что доставляло удовольствие: красноречие, деньги, обман и азарт.

Но, разумеется, такое развлечение могли себе позволить не все. И далеко не для всех участников суды были развлечением.

Сальвидиен Басс происходил из хорошего имперского рода, получил образование в старейшем и почтеннейшем университете на Острове Роз в Архипелаге, был сравнительно молод, не лишен талантов и амбиций, и по общему мнению мог бы сделать карьеру и в Столице. Однако, вдобавок к перечисленным достоинствам, он был еще и не глуп, и прекрасно понимал, что таких как он, юристов – молодых, образованных, приличного происхождения и без денег, в Столице – хоть мосты мости. Времена же, когда адвокаты в Столице становились властителями дум, давно прошли. И, несомненно, хорошо, что они прошли, ибо таковые

времена, как правило, предшествовали годам гражданских смут. Теперь тем, кто не обладая достаточным состоянием и связями, желал приобрести вес в обществе, лучше было покинуть метрополию. Это относилось как к военным, так и гражданским. Но если для молодых амбициозных военных, независимо от их желания, прямой путь вел на границы расширявшейся Империи, или на охваченные войной территории, то юристы, хвала богам, могли сделать собственный выбор. И, естественно, они выбирали города, по возможности мирные и удобные, впитавшие культуру, зачастую неизмеримо более древнюю, чем культура Империи.

Арета в этом отношении как нельзя более способствовала чаяниям Сальвидиена. Город глубоко провинциальный, но в то же время вполне цивилизованный, предоставляющий все блага имперского порядка и комфорта, но не отвергающий роскоши и экстравагантности Юга и Востока. Впрочем, какое именно начало – имперское или чужеземное – брало верх, и до какой степени варварское влияние сказывалось на добропорядочных гражданах Империи, Сальвидиен не мог определить даже спустя два месяца с того дня, когда сошел с корабля в гавани Ареты.

Как сейчас.

Даму, проплывавшую мимо в открытых носилках, никто бы не мог упрекнуть в неблагопристойности – ни с точки зрения имперских законов против роскоши, ни по обычаям коренных южан, требовавших, чтобы достойная женщина была закутана с головы до кончиков пальцев на ногах. Она, собственно, и была закутана в тонкое, легкое и прозрачное, хотя и темное покрывало, струящееся от высокой прически к подолу платья – тоже темного, но синего, с пурпурным отливом, расшитым по подолу орнаментом в мисрийском стиле. Возраст женщины из-за покрывала трудно было определить, но заметно было, что черты лица ее классически безупречны, и умело подчеркнуты косметикой, не выходящей отнюдь за пределы хорошего вкуса. Ни браслетов, ни перстней не красовалось на ее изящных руках, очень белых в сравнении с платьем и покрывалом. Да, все законы благопристойности были соблюдены. И все же была в этом выезде некая вызывающая экстравагантность. И с чего бы? Да, балдахин над носилками из очень дорогого шелка, но таковой лучше всего спасает от жары, пыли и мух. И носильщики, чернокожие, с бусами и кольцами в ноздрях, спору нет, привлекали взгляды, но подобных им можно было встретить и на улицах Столицы. Ни служанок с опахалами, ни скороходов, бегущих впереди носилок, ни телохранителей... В этом все и дело.

Вместо телохранителей или хотя бы просто вооруженных слуг носилкам сопровождала рабыня с двумя собаками на сворке. На собак в первую очередь и воззрился Сальвидиен. Это были бравроны – самая свирепая порода среди известных в обитаемом мире. Огромные поджарые псы, короткошерстные, тигровой масти, на длинных пружинистых лапах. Морды и уши – черные, мощные шеи схвачены серебряными – или посеребренными ошейниками. И цепи, прикрепленные к этим ошейникам, сжимает всего лишь женская рука.

Сальвадиен перевел взгляд на рабыню.

В том, что это именно рабыня, сомневаться не приходилось. Об этом свидетельствовали и остриженные в скобку волосы, и ошейник, и короткое, выше колен, платье. Обычно в прислужницах из аристократических домов (а то, что хозяйка – аристократка, было столь же очевидно) не бросалась в глаза принадлежность к подлейшему из сословий, здесь же она просто выставлялась напоказ. И однако, рабский ошейник на ней был, как и на собаках, серебряным, точно такие же широкие браслеты красовались на запястьях. Платье на ней было из ткани, какой могла позволить себе не всякая горожанка, а короткие волосы до блеска вымыты, может быть, и подкрашены – слишком уж они были светлы. По-варварски светлы. Женщина и была варваркой, но опять же, не из тех – хотя бы внешне – варваров, что можно лицезреть на рабских рынках, в доках и кабаках. Так должна была выглядеть мифическая

амазонка, воительница и охотница, какими их рисует воображение художников и поэтов, творящих для просвещенных ценителей искусства.

Таких, как Лоллия Петина.

Дама, которая должна была стать – уже стала – работодательницей Сальвидиена.

За то время, что он провел в Арете, он успел прослышать о вдове сенатора и дважды консула Петина – женщине богатой, чрезвычайно образованной, покровительствующей служителям муз. Тем не менее иные слухи представляли ее особой чрезмерно сумасбродной и даже опасной. Однако, встретившись с нею на приеме во дворце имперского наместника Сальвидиен ничего такого за ней не приметил. И, конечно, там при ней не было ни этой рабыни, ни собак. Эксцентричность Лолии Петины, сколь глубоко бы она не проникла в ее существо, несомненно, имела свои пределы. Но, когда достойная дама не общалась с официальными властями, она многое могла себе позволить.

И позволяла.

В день, когда их представили друг другу, Сервий Луркон, наместник Ареты, попросил Сальвидиена задержаться для приватной беседы. Адвокат уже несколько раз посещал Луркона с визитом, поэтому доверительный тон, к которому прибег наместник, не выглядел неожиданным.

– Речь пойдет о госпоже Петине, – сказал он. – Она живет в Арете... точно не припомню, лет пятнадцать, наверное, причем давно уже вдовствует. Муж оставил ее полноправной наследницей, детей у нее нет, близких родственников тоже.

Сальвидиен внимательно слушал. Луркон был крупным мужчиной лет под пятьдесят, слегка обрюзгшим, почти совершенно лысым. Несмотря на это, было в нем определенное обаяние. Правильное, гладко выбритое лицо с горбатым носом и полными губами, было малоподвижно, темные глаза смотрели насмешливо и благожелательно. Однако Сальвидиен понимал, что наместник пригласил его не для того, чтобы обменяться шутками.

– Состояние Лоллии Петины не то, чтоб очень велико – в Арете есть люди гораздо богаче, – но весьма значительно. Владеет она – опять таки, по условиям завещания, – и недвижимостью. Это вилла в Сигилляриях, предместьи Ареты, и поместье Гортины – в предгорьях.

– И права наследования неоспоримы? – осмелился прервать Сальвидиен.

– Совершенно неоспоримы. И никто на них не покушается. Однако, как тебе, без сомнения, известно, женщина, живущая одиноко, и не имеющая опекуна и защитника, всегда становится мишенью для злых намерений. Тем более, – он вздохнул, – такая женщина, как Лолия Петина. Красивая, состоятельная... и привыкшая поступать, сообразуясь лишь с собственными причудами. Здесь – и в этом тебе предстоит убедиться – нравы в некоторых отношениях более свободные, чем в метрополии... а в других отношениях граждане Ареты отличаются меньшей терпимостью, чем столичные. Хотя, боги свидетели, человеческая природа везде неизменна. Но я отвлекся. Итак, один из местных граждан, землевладелец по имени Апроний Евтидем, утверждает, будто бы покойный супруг Петины остался должен ему некоторую сумму, и в порядке компенсации претендует на имение Гортины.

– Но, поскольку сенатор Петин давно скончался, для возбуждения дела такового заявления явно недостаточно. Недостаточно даже свидетельских показаний. Нужны письменные свидетельства.

– Увы, Евтидем утверждает, что таковые документы у него имеются. Кроме того, Евтидем и его адвокат Опилл подняли много шума. Так или иначе, мне придется дать ход делу. – Несмотря на то, что тема разговора была не слишком приятна, наместник был доволен понятливостью молодого адвоката. И внешним его видом тоже доволен. За время, проведенное на юге, Сальвидиен стал подстригать волосы на два пальца длиннее, чем прежде, и отпустил небольшую аккуратную бородку, что отличало его от имперских чиновников и

военных, которые стриглись, по обычаю, очень коротко, и не носили ни бороды, ни усов. Если бы Сальвидиен, на местный лад, запустил длинные кудри и пышную бороду, это выглядело бы фальшиво, да и просто недостойно имперского гражданина. С другой стороны, – Сальвидиен не стремился каждому напоминать о своем происхождении. Здесь это должно понравиться. Молодой человек не только не глуп, он умеет различать тонкости и оттенки – в Арете это важно. – Не стану скрывать: Лоллия Петина – моя стариннейшая приятельница, и мне было бы приятно, если бы она выиграла процесс. Но при всей моей власти оказывать давление на суд я не могу. Арета – цивилизованный город с обширными древними традициями, а не какая-нибудь полунищая колония в окружении дикарей. Единственное, что я мог посоветовать Лоллии – нанять хорошего адвоката, лучше всего приезжего и не успевшего еще попасть в зависимость от тугой мошны Евтидема. Последний, надобно заметить, не слишком популярен. Если Лоллия Петина выиграет дело, это будет благосклонно принято в хорошем обществе, а для твоей карьеры будет добрым и полезным началом. Однако, – Луркон усмехнулся, – если иск Евтидема будет признан законным, начать сызнова для тебя будет гораздо труднее. И согласие может стать весьма рискованным. Так что решайся!

Черные глаза пристально взглянули в серо-голубые глаза адвоката. Но Сальвидиен взгляда не отвел.

– Я решился, – взвешенно сказал он. – И берусь за дело госпожи Петины.

Луркон кивнул. По-видимому, он не ожидал ничего другого.

– Тогда жду тебя на четвертый день от нынешнего у меня на вилле. Жена моя уезжает этими днями в загородное имение, так что это не будет официальный прием.

Замечание было не лишним. Луркон в прошлом году женился в третий раз на шестнадцатилетней дочери коммерсанта, разбогатевшего на торговле с Серикой и получившего имперское гражданство. Сальвидиен только раз беседовал с юной дамой, и отметил, что она прелестна, как кукла, и мозгов у нее не больше, чем у той же куклы. Вряд ли Луркон посвящает ее в дела. К тому же, она, судя по фигуре, уже готовилась осчастливить мужа наследником.

– Там же будет и Лоллия, – продолжал Луркон, – и вы сможете поговорить о предстоящей тяжбе подробно.

* * *

За те дни, что оставались до встречи, Сальвидиен попытался собрать сведения о Лоллии Петине, сверх того, что обладал, и нельзя сказать, чтоб он не преуспел. Ее называли изысканной, развратной, светочем образованности, благотворительницей, бессердечной. Наслышался Сальвадиен и об ее рабыне – телохранительнице, а прежде всего, о свирепых псах, которых молва именовала людоедами.

А вот увидел их сегодня впервые.

Луркон, как и Петина, жил в Сигилляриях – аристократическом предместьи Ареты, фактически самостоятельном городе, состоящем из вилл и садов. Причины, по которым Лоллия Петина предпочла встретиться с адвокатом на вилле наместника (а он не сомневался, что это ее решение), Сальвидиену не были известны. Возможно, это была всего лишь очередная ее причуда.

Полюбовавшись на благородную даму с собаками – Лоллия Петина его не заметила – Сальвидиен скорым шагом двинулся дальше. Он не считал для себя зазорным ходить пешком в сопровождении одного раба (всего у него их было два – личный слуга и повар, так что позволить себе торжественных выходов Сальвадиен не мог при всем желании, а в Столице иметь меньше полусотни рабов и вовсе считалось признаком натуральной нищеты). Вдобавок гулять по Сигилляриям было приятно. В целом Сальвидиену нравилась Арета, но

порой город его утомлял: слишком суетливо, слишком пестро, слишком шумно, слишком ярко. Сальвидиен отнюдь не был узколобым сторонником старозаветных имперских традиций, и полагал, что виной его раздражению было чрезмерное обилие религий и соответствующих им храмов. И статуй. В столице, конечно, тоже хватало и того и другого. Но статуи на улицах, площадях и в портиках Столицы по преимуществу представляли богов, похожих на императоров, и императоров, похожих на богов. Здесь таковые тоже имелись, но с ними соседствовали совсем другие кумиры, варварские божества, казавшиеся на взгляд и вкус Сальваиена нелепыми и безобразными, фигуры львов и быков, которые также были богами.

В Сигиллариях взгляд отдыхал. Здесь, на улицах, скорее напоминавших аллеи, чувствовалась простота, простота, которую дает большое богатство.

Так и на вилле Луркона ничто не нарушало границ хорошего вкуса. Гость не увидел бы здесь иных изображений, кроме приличествующих благочестивому гражданину скульптурных портретов предков, и непременно бюста императора. Да еще мраморной статуи нимфы у фонтана. Тут же, во внутреннем дворе находилась еще одна композиция, на сей раз из трех фигур, напоминающих статуи своей неподвижностью. Мнимая амазонка стояла у одной из колонн, окружавших нимфей, оплетенных плющем и виноградными лозами. Псы улеглись возле ее ног. Никто не мешал беседе господ, расположившихся в креслах, вынесенных из атриума, поближе к прохладе фонтана. Ибо даже здесь, вдали от раскаленных городских улиц, было весьма жарко.

– Что же, собственно, собой представляет, этот Евтидем? – спросил Сальвидиен.

– Омерзительный старикашка, – светски улыбнувшись, сказала Лоллия Петина. У нее был чистый, звонкий, несколько высоковатый голос с безупречной дикцией. – Поборник чистоты нравов и древних доблестей.

– Послушать его, так сам Порцелл Магн воскрес, – заметил Луркон, – великий наш цензор и радетель исконных добродетелей. Да что там Порцелл! Тот обличал «недостойную мужчин роскошь», а этот и женщин в покое не оставляет.

– Что не мешает ему спекулировать земельными участками, – ровно продолжала Лоллия, – и давать деньги в рост!

– Значит, твой супруг и в самом деле брал у него деньги?

– Увы, это правда... И это единственный пункт, в котором Евтидем не солгал.

– Еще позволь спросить – какова была сумма долга?

– С процентами – двести тысяч унций.

– Немалые деньги.

– Верно, поэтому Петин и не вернул их сразу. Он возвращал долг по частям – этого и сам Евтидем не отрицает. Но покойный супруг мой, хоть и совершал в жизни ошибки, был не так прост, как ты, вероятно, думаешь. Каждый раз, передавая Евтидему деньги, он брал с того собственноручную расписку.

– И расписки эти сохранились?

– Да. Евтидем, я полагаю, рассчитывал, что за давностью лет либо по скудости женского ума эти расписки затерялись, а то и вовсе были уничтожены. Но, дорогой друг, у меня в доме документы хранятся весьма аккуратно.

Что-то в ее словах смущало Сальвидиена. Если документы в полном порядке, никакой сутяжник, будь он склочен в семикратной степени, не сможет оттягать у Лоллии ее поместья. К чему же тогда намек наместника, будто Лоллия может проиграть дело?

– Если ты не возражаешь, госпожа моя, я бы хотел взглянуть на эти расписки.

– Я так и думала, что ты этого захочешь, поэтому захватила их с собой. Гедда!

Рабыня вышла из-за наполовину скрывавшей ее колонны и приблизилась к хозяйке. В руках у нее была шкатулка черного дерева. Когда Сальвидиен видел ее на улице, то никакого ларца не приметил, а сумки либо корзинки при ней не было. Оставалось предполагать,

что Лоллия Петина взяла столь ценную ношу к себе, и прикрыла от посторонних взглядов складками покрывала. Сейчас это покрывало было отброшено, его удерживали лишь тонкие золотые шпильки в причёске. Один край покрывала Лоллия Петина изящно перебросила через плечо, другой оставила свободно свисать с подлокотника.

– Открой, Гедда.

Загорелая рука с коротко стриженными ногтями откинула крышку.

– Вот, смотри. И ты смотри, благородный Луркон. Ибо я желаю, чтобы ты был свидетелем того, как я передаю достойному Сальвидиену Бассу четыре расписки, писанные собственной рукой моего покойного мужа.

Сальвидиена отнюдь не покорила подобная недоверчивость. как со стороны тяжущихся, так и со стороны адвокатов.

– Полагаю, Сальвидиен, тебе лучше взять шкатулку с собой, и без помех, не отвлекаясь, ознакомиться с содержанием документов у себя дома.

Сальвидиен приподнял брови.

– Может быть, благоразумнее было бы снять копии и работать с ними?

– Так оно и было бы, если б я поручала тебе дело о разводе и передавала любовные письма. Но там, где дело касается денежных вопросов, юристу лучше иметь дело с подлинниками. И, уверяю тебя, Евтидем не настолько умен, чтобы тем или иным путем устроить похищение расписок.

– Пожалуй. – Сальвидиену нравился ход мыслей этой женщины. Нравится ли ему она сама, он для себя еще не решил.

– Гедда, передай ларец господину.

Рабыня подчинилась и снова отступила к креслу хозяйки. Теперь Сальвидиен понял еще кое-что о благородной Петине. Многие дамы, дабы подчеркнуть свою красоту или белизну кожи, приказывали сопровождать себя черным прислужницам, уродкам либо карликам. Но этот прием был слишком груб для такой утонченной женщины, как Лоллия. Гедду никто не назвал бы безобразной, но ее внешность – короткий нос, широкие скулы, светлые волосы – была до такой степени варварской, что классические черты Лоллии приобретали словно бы еще большую завершенность. На серебряном ошейнике рабыни виднелась каллиграфическая гравировка. Обычно на рабских ошейниках писали имя хозяина (или хозяйки), но тут было нечто другое. Сальвидиен различил слова «...до смерти». Несомненно, это означало «Верность до смерти». Такой девиз гравировали на собачьих ошейниках. Сальвидиен мог бы поклясться, что этот же девиз вырезан на ошейниках псов, застывших на ступенях у колонны. Незаметно для себя он повернулся в их сторону. Луркон перехватил его взгляд, и шутливо произнес:

– Твои собачки, Лоллия, не заскучали без внимания? Эй, Аллекто, Тифон, сюда! – он щелкнул пальцами.

– Не обращай внимания, друг Сальвидиен, – с благожелательной улыбкой сказала Лоллия. – Это давняя игра нашего Луркона – он постоянно пытается заставить моих собак нарушить данный им приказ, но доселе ему это не удавалось.

Псы и впрямь не шевельнулись.

– Представь себе, не так давно он приказал зарезать козленка и принести на подносе куски еще трепещущего мяса, которое так любят мои псы, манил их к себе, хоть я и предупредила его, что из чужих рук они не едят.

– Опасная игра, – заметил Сальвидиен, – если имена чудовищ, которые носят эти милые создания, даны им не зря.

Луркон отмахнулся.

– Мы все любим опасность, это у нас в крови, не так ли, моя Лоллия?

– Мне хотелось бы иметь при доме пантеру, – мечтательным тоном произнесла она, – а лучше двух, но пока у меня не было такой возможности.

– Пантеры! – насмешливо воскликнул Луркон. – Почему же сразу не львы или тигры?

– Нет изыска, – даже самый внимательный слушатель не определил бы, шутит Лоллия или говорит серьезно. – К тому же львы сопровождают колесницу Великой Богини, а на ее прерогативы я не посягаю.

– Вдобавок, – позволил себе реплику Сальвидиен, – это дало бы твоему противнику пищу для обвинения в богохульстве.

Лоллия и Луркон переглянулись, и Сальвидиен вновь не смог точно оценить значение этого взгляда.

– Кстати о пище, – сказал Луркон, – а заодно о трепещущем мясе, устрицах, перепелиных яйцах и тому подобных вещах... Не пора ли нам перейти в столовую? Полагаю, там уже все приготовлено для небольшой, хотя, смею думать недурной, трапезы.

Петина кивнула.

– Ступай и жди меня, – сказала она рабыне. Сальвидиен отметил, что говорила она без резкости, с которой обычно отдают приказы, но вполне любезно.

Луркон, безусловно, слишком скромно отозвался о поданном гостям обеде. Перечень блюд много превышал тот, что он назвал. Вино, розовое и золотистое, было не местное, а из метрополии – в отношении напитков наместник оказался патриотом. Сальвидиен предпочитал островное, но не пренебрегал вкусом хозяина.

За обедом он спросил Лоллию, будет ли она присутствовать в суде лично.

Она рассмеялась:

– Конечно же, нет!

– Почему «конечно»? Традиция, по которой женщина действует в суде – если процесс не уголовный, – только через своего представителя, отошла в прошлое во времена наших прадедушек.

– Ты очень любезен, говоря «наших» – насколько я понимаю, у нас в годах значительная разница... Эта традиция канула в прошлое только в метрополии. Но на Юге, и на Востоке она остается неизменной. Женщина, появившаяся на судебном заседании в качестве ответчицы, считается бесстыдной, а если она – упаси нас все Боги! – сама призовет кого-то к ответу, ее репутация загублена бесповоротно. Наши судьи могут сколько угодно порицать и даже бранить Евтидема за склонность и скардность, но стоит мне прийти в суд – и они решат не в мою пользу.

Да, эксцентричность Лоллии явно имела разумный предел.

– Еще вопрос – большая ли семья у Евтидема?

– У него таковой не имеется. Он, как я – не странное ли совпадение – вдов и бездетен. А какое это имеет отношение к делу?

– Он найдет, как это применить! – вмешался Луркон. – Не славного ли адвоката сосватал я тебе, дорогая Лоллия? Он, подобно твоим добрым песикам, ежели вцепится – не отпустит. Но вы, друзья мои, совсем забыли об угощении. Да! – он сделал знак виночерпию, – кубки пусты, пора их наполнить!

Кубки на столе у Луркона были серебряные, с чеканкой. По краям вились изящные девизы. Серебро ярко горело в свете светильников, и на миг Сальвидиену померещилось, будто на кубке начертаны те же самые слова, что на ошейнике оставшейся в нимфее рабыни. Сальвидиен повертел кубок в руках. Наверное, вино, хоть и должным образом разбавленное, дало себя знать. Разумеется, здесь была совсем другая надпись: «Наслаждение – конечная цель!» Однако было нечто общее в начертании букв. Должно быть, для Лоллии и Луркона работал один и тот же ювелир.

* * *

Дома, на свежую голову Сальвидиен внимательно прочитал расписки, и как ему показалось, уловил, где расположена ловушка, которую Евтидем намерен подстроить благородной Петине. Если он прав, то Евтидем действительно не станет на него нападать, чтобы выкрасть расписки, или возлагать надежды на их пропажу. Напротив, сутяге даже выгоднее, что расписки сохранились, и будут предоставлены суду. Все дело в том, что сумма займа была проставлена в имперских золотых унциях, а возвратные суммы, на которые были предъявлены расписки Евтидема – в аретийских драхмах. Покойный сенатор занимал деньги четырнадцать лет назад. С тех пор по Империи пару раз прокатывались волны обесценивания монеты. Сейчас положение дел вновь выправилось, но тем не менее, аретийская драхма в настоящее время стоит несколько ниже унции. Насколько понимал Сальвидиен, Евтидем будет доказывать, что такое соотношение верно и в ситуации четырнадцатилетней давности. А следовательно, сенатор и дважды консул Петин, как и утверждалось в иске, не отдал долг полностью, да за четырнадцать лет еще выросли значительные проценты. Пожалуй, у Евтидема и впрямь есть надежда на благополучный для него исход дела, и Луркон не зря беспокоился о знающем адвокате для Лоллии.

Так он не ошибся. Сальвидиен не любил дел, представлявшихся слишком простыми, не без основания предполагая в них наличие подвоха. Напротив, наличие трудностей подхлестывало, пробуждало азарт. И он ждал – не мог дожидаться первого дня следующей недели, когда должно было состояться слушание – так же, как не мог привыкнуть, что в неделе здесь семь дней, а не девять, как в метрополии. Для того, чтобы выстроить защиту надлежащим образом, прежде всего нужно узнать, не ошибся ли он.

* * *

С первых слов Опилла, адвоката Апрония Евтидема, Сальвидиен понял, что его предположения были неверны. Что делать – слишком силен был в нем рационалистичный и трезвый дух, каковым отличались столичные уроженцы. Евтидем и его представитель вовсе не собирались прибегнуть к такой уловке, как несоответствие денежных сумм. Нет, их доводы гораздо более угождали здешним нравам, и, пожалуй, думал Сальвидиен, слушая обвинителя, Лоллия Петина правильно поступила, не придя в суд.

Первым делом Опилл представил судье Демохару и членам совета истца – как человека, умудренного годами и опытом, умеренной, честной жизни и безукоризненной добродетели. Он также выделил то обстоятельство, что Апроний Евтидем обладает значительными средствами, как в деньгах, так и в недвижимости, дабы прожить безбедно еще многие годы – да продлят их бессмертные боги! И только забота о благе сограждан побуждает его обратиться к почтенному собранию...

Почтенное собрание слушало с изрядным любопытством, ожидая, во что сие обращение выльется. Сам Евтидем выглядел разочарованным. Сальвидиену почему-то показалось, что они со своим адвокатом похожи друг на друга, почему – непонятно. Опилл был округл телом и движениями, щеки его напоминали прошлогодние яблоки, уже сморщившиеся, но сохранившие румянец, борода его была столь бела и пышна, что могла сойти за накладную. Евтидем был столь бледен и худ, что, казалось, его точит какая-то болезнь, двигался он так, будто его конечности были вывихнуты из суставов. Волосы его, окружавшие лысину, и борода цветом были подобны пакле. Может быть, общим был возраст? Но Сальвидиен затруднился бы его определить. Южное солнце старило людей до срока. Хотя и не всегда. По Лоллии Петине, к примеру, этого не скажешь, пусть она и в зрелых годах. Кстати, о Петине.

По – видимому, кислое выражение на лице истца объяснялось тем, что Лоллия не оправдала его ожиданий и не пренебрегла местными традициями, явившись в суд.

– Я бы ни в коей мере не хотел порочить доброе имя сенатора Петина, и утверждать, будто он умышленно не возвратил долг благородному Евтидему. Но безжалостная смерть внезапно унесла досточтимого Петина, и оставила нас скорбеть об утраченном кладезе ума и достоинств. К сожалению покойный неумеренно доверял своей жене, и совершил непростительную ошибку. Вместо того, чтобы, согласно древнему закону, назначить опекуна над своим достоянием, сенатор все отписал вышеуказанной Лоллии Петине. О слабость, которой подвержены и самые мудрые!

Эта негоднейшая не только слаба, непостоянна, в мотовстве неизмерима, на язык лжива, со стыдом незнакома, как это свойственно женщинам. Нет, хотя и этого достаточно, чтобы лишить ее права владения имуществом. Но, милостивый судья и почтеннейший совет, она также опасна для сограждан, в чем я немедленно ее и обличу.

Оставшись вдовою, эта особа пренебрегла возможностью вторично выйти замуж за какого-либо приличного человека, каковых немало в нашем хранимом Богами городе, и отдаться под его защиту. Она предпочла коснеть в безбрачии, дабы его прикрытием предаться безудержному разврату и гнуснейшему из извращений – язык мой не поворачивается назвать его по имени!

Сальвидиен испытывал легкую брезгливость. В метрополии давно вышел из моды обычай столь откровенно обливать противную сторону грязью. Но провинция есть провинция, не зря Лоллия предупреждала его, что судебные традиции здесь более консервативны. И судьи слушали с явным интересом. Да, господа, извращения – это увлекательнее, чем денежный баланс... хотя, как для кого.

– Пренебрегая скромностью, свойственной ее полу, – продолжал Опилл, – Лоллия Петина всячески пренебрегает обществом добродетельных матрон, но лишь мужчин допускает в уединенный дом свой, иногда и во множестве единовременно. Одного этого было бы достаточно, чтобы по законам предков осудить ее. Но всего перечисленного, увы, мало ей, господа судьи! Наш древний город по всей обитаемой вселенной славится множеством храмов и святилищ. Но кто когда-нибудь видел, чтоб Лоллия Петина посещала храмовые праздники, воскуряла благовония у алтарей, украшала цветами статуи божеств? Нет, нет и нет! Я осмеливаюсь утверждать, что нечестие свое она обратила и на худшее – на преступные занятия магией и колдовством. Ибо, как не видали глаза наши Лоллию Петину в благочестивых процессиях, помавающих торжественно ветвями мирта и лавра, так всякий зрел сопровождающих носилки псов, чудовищно злобных и кровожадных, имена демонов преисподней – погибель им! – носящих. И, о дивное диво! Мерзкое диво! Чудовища эти столь повинуются приказам, что от Лоллии Петины либо прислужницы ее дикарской, без сомнения, в уловках варварского ведьмовства изощренной, исходят, как тварям бессловесным, разума лишенным, никак не возможно, иначе как посредством волхования. И каковы же приказы эти, спросите, добрые судьи? Столь жестоки и бесчеловечны, что и словами не передать. На людей нападают, плоть их терзают, кровь проливают, и уже свершилось убийство, псами этими, недаром демонами нареченными, совершенное, убийство, о котором многим ведомо. Знают о нем, но молчат, сами жертвами этой безжалостной женщины и исполнителями воли ее преступной стать опасаясь. Но нашелся человек, у которого достаточно храбрости обличить злобное коварство и заявить: Лоллия Петина не только подает поведением своим угрожающий пример, она опасна для граждан прекрасной Ареты, ибо поощряет действия, губительные для жизни свободных людей. Если не ограничить ее имущественные права, говорит почтеннейший Апроний Евтидем, то может произойти и худшее. Ибо как обращается она со своим имуществом? Рабы ее разговаривают, как свободные, – и тому есть свидетели, держатся, как свободные, расхаживают повсюду, как свободные – далеко ли до того, чтобы они

и возомнили себя свободными? Но никого не наказала она за подобное поведение. А страдают от этого безвинные граждане. Милостивая к рабам, жестокая к свободным – такова Лоллия Петина во всем. И если таковы дела на ее городской вилле в Сигиллариях, то сколь ужасающей должна быть картина в отдаленных от города Гортинах? Итак, я требую, чтоб в возмещение ущерба и в уплату старинного долга имение Гортины должно быть передано в руки Апрония Евтидема. Я кончил, благородные судьи.

– Имеет ли что сказать представитель ответчицы? – осведомился судья Демохар.

Сальвидиен встал.

– Насколько я понял, обвинения истца сводятся к следующему: распущенное поведение, занятия колдовством, и поощрение убийства и кровопролития.

Евтидем не решился ответить сразу. Он посоветовался со своим адвокатом, после чего Опилл – а не сам истец – подтвердил:

– Да, ты понял правильно.

– В подобном случае сторона ответчицы не имеет ничего против того, чтобы обвинение было сформулировано именно таким образом и подписано почтенным Апронием Евтидемом, – сказал Сальвидиен.

* * *

Домой он вернулся поздно – ему было важно убедиться, что Евтидем не передумает и подпишет обвинительное заключение, а заодно дожидался, пока судебный секретарь сделает для него копию речи Опилла. Теперь и то, и другое было у него на руках. И сидя при свете масляной лампы за приготовленным кухарем Полифилом рагу из зайчатины и чашей разбавленного красного вина, Сальвадиен размышлял, как построить защиту. Он был доволен тем, как складывались события, хотя, казалось, должен прийти в ужас. Ведь обвинение в занятиях магией было очень серьезным, и грозило смертной казнью. Однако Сальвадиен не мог припомнить, когда в последний раз эта статья применялась на практике. Скорее она служила орудием устрашения, которое не всегда срабатывало. И если в метрополии колдуны и маги еще держались в рамках, то на окраинах Империи им в голову не приходило скрываться от правосудия.

И тем не менее, закон оставался законом. Требуемое наказание за колдовство – смерть. То же самое и за пособничество в убийстве. Но Евтидем не требовал ни того, ни другого. А это означало – никаких доводов весомее тех, что собаки Петины кого-то искусили, и, возможно, до смерти, у него в запасе не имеется.

Сальвидиен приказал себе остановиться. Он по-прежнему мыслил слишком рационально, слишком логично. А логика плохо уживается с местными нравами, речь Опилла служит очередным тому подтверждением. Не следует особо уповать на то, что он сможет победить противника, просто апеллируя к разуму.

И все же чутье подсказывало ему: если бы Евтидем ограничился имущественными вопросами, то имел бы гораздо больше возможности победить. Теперь же, подписав обвинение в том виде, в каком оно сформулировано, он по закону уже не имеет права вносить туда дополнения. Даже если покойный сенатор и впрямь не вернул полностью долга, это уже не имеет значения.

Но все же к разговорам об убийстве не следует относиться пренебрежительно. К следующему заседанию он должен узнать, что за этим стоит.

* * *

– Правда здесь в том, мой Сальвидиен, лишь в том, что я не люблю общества почтенных матрон... впрочем, как и вообще женского общества. – Лоллия Петина изящным движением протянула ему папирус. Еще утром она в послании уведомила его, чтоб он захватил с собой копию речи обвинителя. Сальвидиен повиновался, хотя был уверен, что ей неприятно будет это читать. Однако Петина и бровью не повела. То ли прекрасно владела собой, то ли злословие ее мало трогало. – Если бы я осталась жить в метрополии, возможно, все сложилось бы по-иному. Но здесь... Речь, конечно, не о местных женщинах, это полуживотные. Дамы из нашего круга ведут себя в Арете либо словно кошки на грязном полу, которые боятся замарать лапки... либо, как те же кошки... в определенные периоды.

Хотя сравнение было банально, форма, в каковую облекла его Петина, заставило Сальвидиена улыбнуться.

Было около полудня, когда он пришел. в Сигиллари. Вилла Петины расположилась на самом берегу Орфита, и с реки веяло прохладой. Ворота открыл старый раб в опрятной цветной одежде, при положенной его должности палице, и в ошейнике, разумеется, не серебряном. Тут же появилась служанка – полная противоположность виденной им прежде – маленькая, изящная, с кудрявыми, красиво уложенными волосами, в нарядном голубом платье – и без всякого ошейника, но при стеклянных бусах, и проводила его к госпоже. Каким образом она умудрялась одновременно стрелять в него глазами и демонстрировать крутой изгиб бедер, грубым мужским умом было не понять.

По пути к дому они миновали кипарисовую аллею, в которой Сальвидиен увидел статую Сминфея-стреловержца, а в атриуме – алтарь предков. Итак, Опилл, либо вещавший его устами Евтидем – солгали насчет безбожия Петины. Сальвидиен в этом и не сомневался.

Петина дожидалась его в табулярии. Два кресла, обтянутые кожей офиусской выделки стояли друг против друга, одно на небольшом мраморном возвышении. Петина появилась почти одновременно с адвокатом в сопровождении Гедды – правда, без собак, что несколько успокаивало. Сердечно поздоровавшись, она взяла у Сальвидиена свиток с речью, села и принялась читать. Гедда заняла место на приступке у ног госпожи. Чтоб рабы в присутствии хозяев сидели, да еще без дела – подобное действительно нарушало приличия, но Сальвидиену почему-то трудно было представить, чтобы эта девица овеивает госпожу опахалом, подает ей сласти или расправляет складки на одежде.

Покуда Петина читала, Сальвидиену ничего не оставалось, кроме как разглядывать ее. Светские дамы в этот час обычно только покидали постель, но Петина сегодня, несомненно, встала рано. Она была не из тех женщин, которые способны встретить гостя неприбранной и непричесанной, а для того, чтобы выглядеть подобающим образом, нужно было потратить много времени. Сегодня на ней было платье шафранного цвета, на плечах – шелковое покрывало, шею украшало ожерелье из солнечного камня, оправленного в золото, прическу – диадема из хризолитов. Ногти были выкрашены не пурпуром, как заведено, а золотым порошком. Все эти цвета, как правило, не идут женщинам с темными волосами и глазами, но Петине почему-то были к лицу. Все-таки она была очень хороша. Старые моралисты, обличавшие женщин, носящих шелковые и кисейные платья, благодаря которым они не показывают любовникам в спальне больше того, что видят прохожие на улице, были не совсем неправы, но, чтобы осмелиться облачиться в такой наряд, надо обладать подобающей фигурой.

Вернув ему копию речи, Петина продолжала:

– Что до обвинений в колдовстве, то ты, верно, и сам понял, что это уловка, неуклюжая и глупая, как сам истец...

– Безусловно. Но что заставило его заговорить об убийстве?

– Убийство? – улыбка изогнула безупречные губы. – Убийство было. Когда же это случилось, Гедда, полгода назад?

– Четыре месяца, госпожа моя, и десять дней.

Впервые Сальвидиен услышал ее голос. Почему-то он ожидал некоего нечленораздельного рычания, как если бы заговорила собака, но, хотя голос рабыни был заметно ниже, чем у госпожи, он был столь же ясен и чист, и отличался таким же безупречным выговором.

– Мы возвращались с празднества, которое устроил на реке наш дорогой Луркон. Был прекрасный прохладный вечер, и мне захотелось пройти пешком. Я велела рабам с носилками идти поодаль. При мне была только Гедда. Собак она спустила со сворки. Должно быть, это и ввело в заблуждение грабителей, когда мы проходили через сады Бальбина – две безоружные женщины показались им легкой добычей... – Петина сделала драматическую паузу.

– И что же?

– Негодяев было двое. Две женщины, два разбойника, две собаки – в этом есть что-то от магии чисел, не так ли... если Евтидем когда-нибудь о ней слышал. Одного грабителя Аллекто и Пифон разорвали в клочья. Второй, видя, что случилось с его сотоварищем, бросился прочь, но псы устремились за ним, догнали, свалили на землю и держали так, пока не прибежали мои нерадивые рабы, а вслед – стража префекта, каковой незадачливый грабитель и был передан. Никогда не интересовалась его дальнейшей судьбой. Возможно, – она поморщилась, – до того он и впрямь был свободным, но теперь, если жив, он с этим званием попрощался. Вот история, которой столь трогательно Опилл украсил свое обвинение.

Сальвадиен сделал пометку на табличках.

– Значит, этот случай дал основание обвинить тебя в убийстве и колдовстве? Хотя ты спасала свою жизнь, более того, послужила благу Ареты?

– Увы. Но вполне допускаю, что Евтидем искренне верит в свой навет. Мои собаки очень хорошо обучены. Настолько хорошо, что люди со слабыми головами, видя, как точно псы исполняют приказы, начинают толковать о колдовстве..

– Как тебе удалось добиться такого?

– Вовсе не мне... Гедда! Расскажи господину, как тебе удалось обучить Аллекто и Пифона.

Гедда подняла голову. Глаза у нее были настолько густо-синего цвета, каковых, доселе полагал Сальвидиен, в природе не встречается. Такие глаза любили изображать в стихах современные элегики, у которых нынче модно было воспевать северных женщин, и предположительно только в их воображении и существовали.

– Лучше видеть, – сказала она.

– Что за восхитительная лапидарность, – усмехнулась Петина. – Но она права. В следующий раз я покажу тебе, как Гедда с ними занимается. Довольно удачно, что здесь имеется небольшая арена. Прежний владелец виллы любил развлекать гостей схватками меченосцев. Там я держу своих любимцев, а Гедда их воспитывает.

– Не на псарне?

– Нет. Меньше беспокойства. Бравроны и так злы от природы, а этих еще нарочно обучали – они могут перегрызть других собак. Но не кажется ли тебе, друг Сальвидиен, что мы говорим о собаках слишком долго?

– Вероятно, госпожа моя. Но то, о чем я хочу спросить тебя дальше, менее увлекательно, чем убийства, грабители и колдовство. Приносит ли доход имение Гортины?

– Последние пять или шесть лет – да. До того оно было убыточным. Пришлось посадить часть рабов на землю, выделив им по участку, и брать с них оброк. И это оправдалось. Конечно, люди, подобные Евтидему, таких обычаев не одобряют. Они следуют «Наставле-

ниям» своего любимого Порцелла Магна – выжать раба, как лимон, а то, что останется, сбывать по дешевке, чтобы не обременять хозяйство. Но рабы трудятся гораздо лучше, если к ним относиться по-доброму. Я не продаю их в рудники или в общественные мукомольни даже тогда, когда они стареют. Всегда можно найти в поместье или в доме работу полегче, которая по силам одряхлевшим. Ясно, что это должно взбесить Евтидема с его старозаветными привычками, но я не понимаю, друг Сальвидиен, к чему ты клонишь?

– Если дела обстоят именно так, как ты говоришь, госпожа моя, стоимость имения Гортины должна превосходить не только невыплаченную якобы часть долга твоего покойного супруга, но самый этот долг.

– Конечно, превышает! И вместе с процентами. Я бы оценила его не меньше, чем в миллион, хотя... чтобы ответить точно, нужно проверить отчеты управляющего. – Внезапно она сжала руки. – Кажется, я уловила ход твоих мыслей.

– Я не сомневаюсь. Евтидему выгодно представить ситуацию так, будто ты не умеешь вести хозяйство. А я докажу, что он искажает данный вопрос так, как и все остальные. Если ты представишь отчет о процветании имения...

– Нужны точные цифры?

– Желательно. Это произведет благоприятное впечатление на судей.

Петина нахмурилась.

– Но заседание суда послезавтра... можно не успеть.

– Не думаю, что судьи управятся в один день.

– Слышишь? – Лоллия Петина обернулась к рабыне. – Поедешь в Гортины, проверишь записи управляющего о доходах и расходах и составишь отчет.

Гедда встала.

– Немедля?

– Нет, лучше к вечеру, по холодку.

– Лучше бы сказать Смикрину, чтобы все приготовил к отъезду.

– Хорошо, распорядись. Но не задерживайся. Скоро будут гости, и я хочу, чтобы ты была при мне.

– Справится ли она со столь сложным заданием? – спросил Сальвидиен, когда рабыня вышла.

– Справится... Однако ты не спрашиваешь, почему я отправляю ее ночью, далеко, по отнюдь не безопасной дороге, несмотря на то, что в доме полно рабов-мужчин. Так вот, и дорога и отчет ей одинаково нипочем. Гедду не просто учили счету, письму и обращению с четвероногими. Ее очень тщательно этому учили. Не удивлюсь, если она помнит наизусть каждую книгу из моей библиотеки.

– Как правило, такое хорошее образование дают только тем рабыням, которые родились при доме, – безразлично произнес Сальвидиен.

Петина, разумеется, уловила невысказанный намек.

– Нет, ей не так повезло. Гедда – рабыня купленная, а не рожденная в доме. Правда, родись она в нашей фамилии, я вряд ли бы обратила на нее внимание. – Она откинулась в кресле. – Послушай, друг Сальвидиен, я расскажу тебе то, о чем ты из учтивости не спрашиваешь. О том, кто такая Гедда, и как она здесь появилась. Это было года через два после кончины моего супруга. Он оставил наши дела в несколько расстроенном состоянии, и мне приходилось во многое вникать самой – тогда как сейчас я могу довериться слугам и управляющим. Например, я лично ездила закупать рабов для различных работ. Ты еще не был на Большом рынке? Там, на помосте я и заметила Гедду. В жизни не видела более дикого существа. Эта девочка – она тогда была всего лишь ребенком, казалось, готова зубами растерзать каждого, кто к ней приблизится. И мне захотелось сделать опыт. Посмотреть, какое действие произведет просвещение на эту дикарскую душу. Вдобавок меня позабавила история, кото-

рую плел аукционист. Представь себе, этот пройдоха плел, что продаваемое им дитя происходит из племени женщин-воительниц, обитающих где-то рядом с Великой Степью. Что, якобы, сказочные эти воительницы успешно отражали нашествия всех возможных народов, и не устояли – в прямом, а не переносном смысле – лишь перед нашими победоносными войсками. Самое смешное, что когда Гедда освоила цивилизованную речь, она подтвердила, что эти бредни являются чистой правдой. Но это произошло гораздо позже. Мне пришлось затратить много времени и сил, чтобы обучить ее – гораздо больше, чем сама она потратила на собак. Но доброе отношение себя оправдало. Если бы не ее присутствие духа и решительность, неизвестно, чем бы кончилась та история с нападением. Гедда очень мне предана. Вдобавок, у нее превосходная память. Когда она рядом, мне не нужно, подобно тебе, заглядывать в памятные записи.

– Ей повезло, – заметил Сальвадиен. – Если бы не ты, ее в лучшем случае отправили бы к жерновам, или, может быть, на арену, а в худшем ... вряд ли стоит развивать эту тему.

– Будь уверен, она понимает это. Более того, когда-нибудь, по завещанию, я дам ей свободу. Не думаю, что тогда она будет чувствовать себя свободней, чем теперь.

– Однако сейчас она носит ошейник.

– А что ошейник? – Лоллия изящно отмахнулась. – Это просто украшение. Вид ожерелья. Вечером, по отъезде она его снимет. И довольна о Гедде. Кажется, мы прошлись по всем пунктам обвинительной речи. Ах, да, остается еще мое бесчестное поведение. Что ж, гости скоро явятся, и ты сам сможешь составить мнение, позорит ли знакомство с ними честь благородной дамы, и заодно, какие такие ужасные оргии разыгрываются под моим кровом.

* * *

Гостей было немного – пятеро, как и сказано выше, только мужчины, все разного возраста и общественного положения. Двоих Сальвидиен прежде встречал у Луркона, в первую очередь Стратоника, молодого местного аристократа, чье семейство пришло сюда вместе с царем Аретой, основавшим город. Он учился в том же университете, что и Сальвидиен, поэтому им было довольно легко найти общий язык. Стратоник был строен, белокур, кудряв, его длинные пальцы украшены многочисленными перстнями. Мимнерм, знаменитый во всей провинции ритор, грамматик, автор эпистол, почитавшихся образцовыми, оказался представителем мужчиной средних лет с горбатым носом и глазами, напоминающими сливы. Его ухоженная черная борода была уложена красивыми завитками. Прокл Апиола, другой представитель местной знати, годами был постарше Стратоника, хотя род его был намного моложе – о чем он тут же не преминул сообщить – худощавый, остроносый человек с рыжеватыми волосами, свидетельствовавшими о том, что в этом аристократе была примесь варварской крови. Еще одного гостя – именно ему Сальвидиен был представлен у наместника – адвокат меньше всего ожидал встретить в этом изысканном обществе. Вириат, отставной военный трибун, в действующей армии это звание было равно префекту легиона – выглядел типичным имперским офицером старой школы. Он ушел в отставку с полной выслугой (о чем сообщил Сальвидиену Луркон), следовательно, прослужил не менее двадцати пяти лет, и был моложе наместника года на четыре – на пять. Смуглое обветренное лицо с правильными, но маловыразительными чертами, коротко стриженные, почти седые волосы, поджарая фигура – хоть сейчас снова в ряды под знаменами орла и дракона. Однако, беседуя с ним, Сальвидиен пришел к выводу, что Вириат значительно более образован, чем нынче принято среди армейских офицеров, и еще большая редкость, – отнюдь не честолобив. Когда Сальвидиен спросил, почему он ушел в отставку (никаких скандальных случаев с этим связано не было – иначе Луркон не преминул бы упомянуть), ведь в свои годы Вириат вполне мог бы дослужиться до легата, Вириат спокойно ответил:

– Предпочел согреться. – И, видя удивление Сальвидиена, пояснил: – Я с юных лет служил на северных окраинах Империи.

– В Лоэрге?

– В Квадрии, но большей частью – на северо-западе Алауды.

– Но Луций Татиан именно о Лоэрге писал...

– Что климат там столь мерзок, что никто, кроме местных уроженцев не захотел бы жить там по своей воле. Так вот, Байокассы, где стоял наш гарнизон, отделены от Лоэрга лишь узким проливом.

Но еще сильнее в избранном обществе выделялся последний гость. Хотя его туника была чистой и почти что новой, вид у нее был такой, будто владелец на ней основательно потоптался. Пегая борода, несмотря на все старания придать ей должный вид, торчала кло-чьями, подернутый прожилками нос подергивался, точно живое существо, маленькие чер-ные глаза были лишены ресниц, но обильно окружены складками кожи. Это был Феникс Диркеопольский, поэт, старательно упражняющий свой дар как в области лирики, так и эпоса. На его счету были любовные элегии, эпиграммы, поэмы. «Нимфы Орфита», «Певу-чая цикада», «Перечень благороднейших мужей Ареты», а сейчас он трудился над новой поэмой, посвященной весенним празднествам в Сигилляриях, отрывки из которой и читал за обедом.

Обед подавался в зале с раздвижным потолком, каковой в жаркую погоду заменялся легкой тканью, усыпанной сверху цветами и ароматическими травами – благодаря этому гости были избавлены от духоты. За столом не возлежали, как издревле, а на новый лад сидели в креслах. Сальвидиен одобрял это нововведение, полагая, что так удобнее, если ты только не намерен напиться, а здесь, похоже, никто не был склонен к неумеренным возлия-ниям. Обед, с точки зрения Сальвидиена, был превосходен – раковый и черепаховый супы, жареный на вертеле молочный поросенок, фазан с айвовым соусом, приготовленная на пару речная рыба и в многообразии превосходные сласти, которыми славилась Арета. Вино из Офиуссы и с Архипелага, настоянное на меду, можно было разбавить гранатовым соком или охладить снегом из хрустальных чаш. Молодые рабыни прислуживали за столом умело и сноровисто. Гедда, стоявшая за креслом госпожи, к ним не присоединялась. Ее обязанности были иными.

Когда Феникс, утерев краем хламиды пот со лба, закончил очередную песнь своей поэмы, Стратоник, Мимнерм и Петина принялись ее разбирать. Поэт возражал, булькая вином, и пронзительным тенорком выкрикивая отдельные стихи, доказывая, что они соеди-няют утонченность нынешнего искусства с глубокой всеохватностью поэзии древности. Попутно укусив древних стихотворцев империи за то, что они, конечно, могли создавать мощные эпические картины, но истинная философская глубина присуща только уроженцам Апии, Архипелага, и их наследникам по крови, духу и языку.

Лоллия отвечала, что при нынешнем состоянии поэзии метрополии трудно отрицать слова Феникса, но в классические времена она достигала исключительных высот. Как это:

– Ничто не погибает в мире... нет – во вселенной...

Она щелкнула пальцами.

Не погибает ничто – поверьте – в великой вселенной,
Разнообразится все, обновляет свой вид, народиться
Значит начать быть иными, чем в жизни былой, умереть же
Быть, чем был, перестать, ибо все переносится в мире
Вечно туда и сюда, но сумма всего – постоянна.
Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
В виде одном пребывать...

Голос Гедды был ровен и безличен.

– Это не поэзия, – фыркнул Феникс, – а риторика.

– Но прекрасная риторика, – заметил Апиола.

Мимнерм, подняв кубок, отвесил ему полупоклон.

Сальвидиен продолжал беседовать с Вириатом.

– Я слышал, что южная Алауда – вполне цивилизованная страна, и некоторые ее города не уступают той же Арете. Но Север покуда являет собой образец дикости.

– Ну да – леса, туманы, волки и стоячие камни, в которых живут боги – все то, что пугает наших соплеменников. Но мне там порой нравилось. Особенно после болот и дураков Квадрии.

– Дураков?

– Ты уже цитировал Татиана, значит, знаешь его сочинение о Квадрии. Я уважаю почтенного историка и храбрость, с которой он решил оспорить мнение большинства авторов, которые только и пишут, что о дикарской трусости, и воздал врагу дань уважения. Но он впал в противоположную крайность, воспев строгость и чистоту нравов квадов. Татиан не жил там, подобно мне, годами, и принял за строгость и чистоту обычную тупость и ограниченность.

– Стало быть, алауды в этом отношении представляют собой нечто иное?

– Безусловно. Жители тамошнего Севера горды, вспыльчивы, но при том добры, радушны и весьма благожелательны, если не брать в расчет их стойкой привязанности к человеческим жертвоприношениям.

Поскольку Вириат не улыбался, Сальвидиен не мог понять, шутит он или нет. Потом все же решил, что шутит.

– И ты покинул общество этих милых людей ради жаркого солнца. Неужели тебе никогда не хотелось вернуться в метрополию, – насколько я понимаю, ты родом оттуда?

– Нынешний гражданин не только на окраинах, но и вдали от Империи не скучает по ней, ибо Империю он приносит с собой.

Литературная беседа меж тем продолжалась. Теперь первенство в ней захватил Мимнерм. Он повествовал о своей последней работе, в которой задался целью создать образ идеального философа. Апиола и Стратоник выражали сомнения в том, что сей дерзновенный порыв может увенчаться успехом – каждый со своей точки зрения. Петина припоминала другие попытки такого рода, порой прибегая к помощи Гедды. Видно было, что подобные разговоры они могли вести сколь угодно времени. Поэтому Сальвидиен, не без некоторого сожаления, попрощался с хозяйкой, сославшись на то, что ему надо работать над речью. К удивлению адвоката, за ним увязался Феникс Диркеопольский. По ходу беседы поэт как-то приуныл и помалкивал, ковыряя в зубах фазаньей косточкой, но, покинув виллу, воспрял духом и вприпрыжку двинулся между кипарисами и пальмами Сигилларий.

– Мы с тобой составляли исключения среди этого, безусловно, достойного всяческих восторгов собрания, – разглагольствовал он. – Другие явились сюда лишь для того, чтобы приятно провести время, мы же – по делу. Ибо оба живем на то, что приносит нам ум и талант, да не оскорбит тебя лишнее напоминание об этом...

– Я не оскорблен, – уверил его Сальвидиен. Он понял, что поэту известно о судебном процессе, и раздумывал, какую пользу можно извлечь из данного обстоятельства. – Но Мимнерм, как я полагаю, тоже принадлежит к числу служителей искусств...

– Если бы он жил на то, что приносят ему книги, то питался бы сухими корками, запивая их водой из Орфита, следуя примеру его любимых философов. Но он получил значительное наследство от дяди и приумножил его выгодной женитьбой... здесь не принято брезговать дочерьми купцов и банкиров, сам наместник подает пример. Об остальных и говорить

нечего. Разве что Вириат победнее прочих. Он владеет только тем, что человеку его звания и сословия полагается по выслуге – землей и денежным довольствием. Но мне бы и этого хватило...

Итак, Сальвидиен нарвался на сплетника. Что порой может послужить к выгоде, причем обоюдной.

Они миновали Сигиллarii и оказались на улице, ведущей к порту. При виде строения с деревянными колоннами, увитыми засохшими плетями винограда, и прибитой на фасаде вместо вывески обломке мачты, поэт потянул Сальвидиена за край хламиды.

– Зайдем?

Сальвидиен уже знал эту харчевню. Называлась она «Артемона», сиречь «бизань-мачта», и содержал ее бывший моряк. Говорили, что он счастливо спасся во время ужасающего кораблекрушения, ухватившись за ту самую мачту, обломок которой красуется над входом. Возможно, он просто распускал подобные слухи, чтобы привлечь посетителей. Надо признать, это ему удавалось.

Адвокат недолго колебался. Разумеется, ему нужно было работать, но он предчувствовал, что из беседы с Фениксомн может извлечь нечто большее, чем из обычных письменных упражнений в элоквенции. Он велел своему рабу Руфу дожидаться у входа и последовал за поэтом.

В «Артемоне», как и в любой харчевне, припахивало дымом и чадом, но все же, стараниями хозяина, было довольно чисто, а посетители избавлены от приставаний попрошаек и шлюх. Сюда приходили поесть, а не подраться и прихватить девицу.

Еды и потребовал Феникс, едва плюхнувшись за дощатый стол – бобов, вареных в свином сале и козий желудок с кровью, а пока все это доходит – кувшин вина. Сальвидиен взирал на него не без любопытства. Поэт был среднего телосложения, и на обжору, которому потребно ежечасно ублажать чрево, не походил.

– Ты же недавно от стола!

– Там все слишком уж изысканно... да еще постоянно надо думать о том, чтобы лишний раз не сморкнуться и не рыгнуть. Слышал я, что уроженцы метрополии на обедах объедаются так, что тут же и блюют... Однако же, я от госпожи Петины, хоть она из ваших краев, всякий раз ухожу голодный. А вот и вино! – Вино оказалось местное, самое дешевое. Высосав кружку, Феникс продолжал уже более благодушно. – Только не подумай, что я хочу оскорбить свою благородную покровительницу! Благодаря ее денежным подаркам я могу хоть в харчевне поесть в полное удовольствие. А ведь в Арете есть люди побогаче, но гораздо менее тонких чувств. Вот, к примеру, такой Бальбин : денег у его – хоть купайся в них. Я ему приподнес поэму об его садах, и ты знаешь, что он сделал? Прислал мне на дом два мешка муки. Что я – пекарь? А госпожа Петина любит поэзию. Ну, и не только поэзию... Скажем, наш мудрый наместник, правда, имеет привычку время от времени жениться, но Лоллия Петина остается самой стойкой его привязанностью. Конечно, он не единственный, кого она дарит своей благосклонностью, однако наместник слишком умен, чтобы на это обижаться... или слишком стар...

То, что Петина была – и, возможно, остается, – любовницей Луркона, Сальвидиен услышал в первые же дни пребывания в городе. А если бы не слышал, то догадался. Но Фениксу об этом сообщать не стал.

– Поговаривают о несколько иных ее наклонностях...

– Это про Гедду, что ли? Чушь. Разве что изредка, для разнообразия... Но вообще-то госпожа Петина предпочитает мужчин. Не подумай, опять же, что это я ей в осуждение. Кто сказал, что женщина в расцвете лет, давно схоронившая супруга, должна коротать ночи в одиночестве? Или, вновь выйдя замуж, передать в чужие руки имущество и состояние, которым она нынче полноправная хозяйка? Я, заметь себе, к числу избранных счастливыхцев не

принадлежу. Мои стихи Лоллия Петина любит бескорыстно. – Он снова наполнил кружку. – Но Мимнерм... а может, и Стратоник...

– А Вириат?

Феникс фыркнул так, что вино расплескалось по столешнице.

– Вириат! Вириата привлекает в этом доме вовсе не хозяйка. Ты что не знаешь, что он пытался купить Гедду? Ах, да, ты же недавно здесь. Он так привык на севере к тамошним белобрысым и снулым девицам, что ему теперь только таких и подавай. А между тем, кто может сравниться с южанками, то полными огня и страсти, – он с шумом отхлебнул, – то нежными и томными. И в Арете хватает красивых женщин, да что далеко ходить – в том же доме Лоллии Петины... ты заметил такую кудрявенькую, Салампсо ее звать – вот от кого бы я не отказался! И от других тоже... Но это страшилище! К тому же ростом не уступит мужчине. А долговязые женщины холодны в постели, это тебе всякий скажет.

– Она все же не лишена некоторых достоинств, особенно для человека на возрасте. Вдобавок Петина говорит, что она умна.

– Госпожа Петина говорит так по своей доброте...или желая выхвалить свое умение школить прислугу. В конце концов, дроздов и попугаев тоже учат произносить стихи, мартышек – носить платье, медведей – плясать. Кстати, о плясках – на неделе в театре Астиоха будут давать мим «Пиршества богов» – такого ты и в Мисре не увидишь... пусть и утверждают, будто по развращенности Миср бьет все прочие страны...

Тут принесли бобы и козий желудок, и Феникс мигом забыл о любовных интригах Лоллии Петины и ее окружения. Сальвидиен, пожалуй, тоже. Его сейчас интересовал другое. Он думал об истце. Тот ведет себя как приверженец исконных имперских добродетелей, но имя выдает в нем провинциала. Однако к местной знати он тоже не принадлежит...

– Скажи мне, друг Феникс, Апроний Евтидем – уроженец Ареты?

Поэт с усилием проглотил бобы.

– Нет, вроде бы. Но обосновался здесь уже давно. Лет двадцать, наверное. А почему ты спрашиваешь?

– Просто из любопытства.

– Знаю я вас, адвокатов! Хотя... кто-то мне что-то говорил... Нет, забыл. Дай-ка по порядку. Он приехал вроде бы из Мисра, здесь женился, на приданом, но это уж как водится, жена умерла...

– Значит, родных у него нет.

– Нет. Многие, конечно, мечтают об его наследстве, но чтоб заслужить его расположение, придется им здорово потрудиться.

– Странно. Обычно, когда человек богат и занимает высокое положение, его родня хорошо известна. Чтоб он мог, например, выписать дальних родственников и сделать так, чтобы наследство не уплыло к самозванцам или посторонним. А если никого нет, значит дело нечисто. Я знаю множество примеров, когда подобные «богачи» в действительности оказывались нищими авантюристами. Но Евтидем ведь взаправду богат...

– Верно. Ты прав, пожалуй. Но, вероятно, все его родные уже умерли – лет-то ему немало. К тому же какой-нибудь племянничек имеет возможности разжиться его благодеяниями не больше, чем прохожий с улицы – старик черств, как прошлогодний сухарь. И все же... провались я в преисподнюю, есть у меня приятель, Ламприск его звать, он из Береникеи родом – вспомнил! Как и Евтидем. И он мне как-то рассказывал, что была какая-то скандальная история... после этого Евтидем в Миср и уехал. А вот что там было... я в тот день сильно напился, ничего не помню, прости.

– Чем занимается твой Ламприск?

– Он торговец кожами.

– Свободный, отпущенник? Если свободный, имеет ли имперское гражданство?

Любопытство Сальвидиена было не праздным. Торговлю могли держать и рабы, отправленные хозяевами на заработки. А имперское гражданство придавало показаниям свидетеля дополнительный вес, и немалый.

– Насчет гражданства – никогда не спрашивал. Но он человек свободный и полноправный, не отпущенник какой-нибудь, нос дерущий выше храмовых колонн. У него собственная лавка на улице Быка – Небожителя.

– И можно с ним встретиться?

– Можно. Только не сегодня. Он за товаром уехал.

– А когда вернется?

– Да кто его знает? Может, завтра, может, через месяц... я же не знал, что тебе загорится его повидать!

– И то верно, почтеннейший Феникс. Прости меня за настойчивость... и за то, что отрываю от еды.

Феникс снова ринулся на бобы, торопясь умять их, пока сало еще не застыло. Сальвидиен взирал на эту картину с определенным умилением. Он был молод, но достаточно опытен, чтобы понимать: время, затраченное на болтовню с Фениксом, вполне может пропасть зря, а замаячивший впереди выигрышный ход – оказаться пустышкой. И все же он не станет пренебрегать встрече с торговцем, приятелем сплетника-поэта. То, что возможный свидетель – торговец, очень хорошо. Арета – город, где любят торговцев.

* * *

– Почтеннейший Демохар. Уважаемые члены совета и граждане высокочтимого мною города Ареты.

Утром, перечтя написанную ночью речь, Сальвидиен нашел, что она вряд ли имела бы успех в Столице. Ее сочли бы там излишне напыщенной, трескучей и наполненной личными выпадами. Но здесь, как ему не устают напоминать – не Столица. Что ж, желательно вам получить образчик провинциального стиля – получите.

– Истец, устами своего адвоката, возвел на госпожу Лоллию Петину такие обвинения, за которые впору отправить в ссылку, заморить голодом, бросить на арену на растерзание хищным зверям. И впрямь ужасно: колдовство, безбожие, извращенный разврат, пособничество, если не прямое подстрекательство, к убийству! Но какого же наказания требует в ответ на эти чудовищные преступления наш бескорыстный поборник нравственности и справедливости? Он желает, чтоб ему были переданы земельные владения ответчицы. Соизмеримо ли наказание с преступлением? Я вижу улыбки на ваших лицах, о судьи, и рад бы сам разразиться смехом, если б не уважение к высокому трибуналу. Верит ли сам истец тому, что наговорил тут его представитель? Не верит ни одному его слову. Он подобен уличному разносчику, чья тележка налетела на лоток другого коробейника, и который в порыве ярости громоздит одно бранное слово на другое. Но истец также сознает: буде он потребует наказания, соразмерного его обвинениям, это неминуемо выльется в прямую опасность для него, ибо потребует тщательного разбирательства и неминуемо повлечет за сим его наказанием за клевету. Пока же требует он малого, авось, полагает он, хоть во что-то из его измышлений да поверят. Однако я собираюсь показать, что все измышления Апрония Евтидема – не что иное, как ложь, и не содержит в себе ни одной действительной улики, в чем ваша проницательность, о судьи, не позволит усомниться.

Начнем с самого ужасного – с безбожия и колдовства. Не видят Лоллию Петину, говоришь ты, ни в храмах, ни в торжественных процессиях. Но подлинные безбожники и безбожницы, только для вида святыням поклоняющиеся, как раз и поспешают туда, у себя же дома почитанием богов пренебрегая. Да и храмы, как ведомо судьям, бывают разные. В

одних воины кровью закланного быка омываются, в другом – непотребные женщины дары, собственным телом оплаченные, на алтарь возлагают, а что в иных творится – и сказать срамно! И в таких-то храмах Лоллию Петину точно не видят. Или вам, Евтидем и Опилл, желательно, чтоб она темные радения некоей рабской злокозненной секты, неведомого бога, Гоэлем называемого, посещала?

Зато всякий, кто бывал в доме госпожи Петины, видел, что там и алтари предков в почете, и гений императора не забыт, как и подобает в жилище дамы ее положения и происхождения. Всякий, но не ты, Опилл и патрон Опиллов, ибо они и подобные им в дом госпожи Петины не вхожи. Если не веришь мне, а это твое право, уважаемый Демохар, – не верить на слово, прикажи послать заслуживающих уважения людей в дом госпожи Петины – они подтвердят все, что я сказал.

Так обстоит дело с безбожием. Теперь перейдем к колдовству – преступлению, несомненно, тяжелому и злостному. Какие заклинания читала, по твоему, госпожа Петина? Какие ужасные обряды творила? Может быть, она безлунной ночью, босиком, прокрадывалась на кладбище, дабы собирать там ядовитые травы, способные, как утверждает Опилл или другие, знающие в этом толк, поразить человека безумием или навек запереть чрево беременной женщины? Нет, говорит наш обвинитель, заметим, он сам утверждает – нет. Лоллия Петина, говорит он, держит при себе для охраны собак, каковые собаки исполняют человеческие приказы. Вот уж действительно, колдовство! Дивно было бы, если бы люди повиновались приказам собак. Но истцу все едино, что люди, что псы – видно, судит он по себе, а госпожа Петина для него – могучая колдунья, власть имеющая небо спустить, землю подвесить, ручьи твердыми сделать, горы расплавить, звезды загасить, а преисподнюю осветить! Тогда уж по справедливости стоит обвинить в волхвовании любого, кто держит собак для охраны. И почему бы просто не разослать приставов по домам, на воротах которых написано: «Берегись собаки»? Уж не это ли Евтидем считает злокозненными заклинаниями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.